

Это было похоже на то, как будто вода попала в раскалённое масло: в просторной оранжерее даже раздалось эхо.

Перед глазами Е Тао на миг потемнело, в ушах зазвенело. Он сглотнул, проглатывая кровавый привкус во рту, но больше не встречался взглядом с Чжоу Цзыцянем. Этот человек всё ещё был тем, к кому он испытывал чувства. Хотя он и был готов к обвинениям, но увидеть в его глазах гнев и обиду, быть так грубо отвергнутым — всё это сжимало сердце болью.

Увидев, как Е Тао ударили, Баобао больше не мог сдерживаться. Он выгнул спину и зашипел на Чжоу Цзыцяня, пытаясь защитить Е Тао, но он был слишком слаб, и его угрозы не произвели на Чжоу Цзыцяня никакого впечатления, лишь разозлив его ещё больше.

— Не надо...

Е Тао не успел остановить его, как Чжоу Цзыцянь пнул Баобао с такой силой, что котёнок отлетел к краю оранжереи.

Баобао болезненно застонал, но не сдался. Маленький котёнок, едва стоя на ногах, снова подбежал к Чжоу Цзыцяню, вцепившись в его брюки и пытаясь оттащить.

Е Тао, боясь, что Баобао снова ударят, поспешно встал, чтобы подобрать его, но, волнуясь, споткнулся о упавшее одеяло и упал у ног Чжоу Цзыцяня. Он не успел уклониться от уже занесённой ноги, торопливо прикрывая Баобао своим телом. Удар пришёлся на Е Тао, он упал на пол, и острая боль в левой руке мгновенно сделала его лицо бледным.

Хотя Е Тао часто болел и много раз страдал от боли, это был первый раз, когда Чжоу Цзыцянь услышал его болезненный стон. Он не был громким, но заставил всё его сердце сжаться.

— Что случилось?

Доктор Сюй, пришедший сменить капельницу Е Тао, только поднялся на третий этаж, как увидел Чжоу Цзыцяня, несущего Е Тао с террасы.

— Возможно, перелом, — Чжоу Цзыцянь тоже был охвачен беспокойством, не дожидаясь осмотра доктора, он поспешил спуститься вниз, отдавая распоряжения приготовить машину и отвезти Е Тао в больницу.

Услышав, что у Е Тао не проблемы с сердцем, а травма, доктор Сюй на мгновение замер, а затем последовал за ними.

Е Тао спокойно сидел в инвалидной коляске, поддерживая левую руку, на которую ещё не наложили гипс. На нём была лишь одна рукав куртки, а полы её расходились.

— Тогда оставим его в больнице, — Чжоу Цзыцянь снял своё пальто и аккуратно укутал Е Тао, а затем отправился оформлять госпитализацию.

Доктор Сюй покачал головой, думая: если ты не можешь смотреть, как он страдает, то как же ты можешь снова и снова так сильно его ранить?

Оформив госпитализацию, Чжоу Цзыцянь поручил оставшиеся дела Ци Хэ и один спустился вниз. Он остановился в маленьком саду при больнице, где листья уже пожелтели, достал из кармана сигарету и закурил.

Этот человек с привлекательной внешностью, казалось, создан для того, чтобы быть мягким и учтивым, но он никогда не был святым. Просто в других делах он мог сохранять хладнокровие, а вот когда дело касалось Е Тао, его эмоции легко выходили из-под контроля. Ло Дун рассказал ему всё в деталях, и он сдерживался, но в коротком подтверждении Е Тао он потерял контроль.

Он говорил, что не верит, даже заставлял Е Тао взять свои слова обратно, но на самом деле он верил. Хотя всё это звучало невероятно, хотя он не хотел верить, он всё же поверил.

Обман Е Тао, смерть племянника, почти два года, проведённые в неведении, — всё это обрушилось на него, как бомба, взорвавшаяся у него перед глазами. Он всегда ненавидел, когда его обманывают, особенно если это делают близкие люди. Но Е Тао обманывал его так долго, и он даже не мог понять, что больше повлияло на его эмоции — боль от потери или обман.

Чжоу Цзыцянь курил одну сигарету за другой, но никотин не принёс ему успокоения. В его голове всё ещё стояло бледное, страдающее лицо, не давая ему покоя.

Вечерело, ветер становился всё холоднее, но Чжоу Цзыцянь словно не чувствовал холода. Он снова достал из кармана пачку сигарет, но она была пуста. Он вздохнул и, наконец, с запахом табака и горечи на одежде, поднялся наверх.

Ци Хэ разговаривал по телефону за пределами палаты и, увидев Чжоу Цзыцяня, вышедшего из лифта, быстро завершил разговор.

— Молодой господин уснул, — почтительно сообщил он, слегка опустив глаза.

— Сначала иди домой, передай распоряжения семье. Когда вернёшься, принеси несколько питательных супов, но не делай всё лекарственными, — Чжоу Цзыцянь отдал распоряжения и, убедившись, что Е Тао спит, тихо вошёл в палату.

Травма Е Тао была не слишком серьёзной, но всё же это было повреждение кости, и боль была неизбежна. Врачи, учитывая, что боль от перелома может увеличить нагрузку на сердце, добавили в капельницу обезболивающее с седативным эффектом, поэтому Е Тао и заснул.

Чжоу Цзыцянь осторожно поправил лицо Е Тао, лежащего на боку, и при свете настольной лампы осмотрел его. Удар был сильным, и половина его красивого лица опухла.

Чжоу Цзыцянь слегка коснулся пальцем и тут же сжал его. Он уже поверил, что этот человек не его племянник, но, видя, как он пострадал от его рук, он чувствовал раскаяние и боль.

Когда Е Тао проснулся, Чжоу Цзыцянь сидел у его кровати, как обычно, когда он болел, но их чувства уже были совершенно другими.

Е Тао посмотрел в окно и увидел, что уже совсем темно. Он беспокоился о Баобао, не зная, не пострадал ли котёнок, и хотел позвонить Ло Дуну, чтобы сообщить другу, что с ним всё в порядке.

— Прости, мне не следовало применять силу.

— Можно одолжить твой телефон?

Они заговорили почти одновременно, и после сказанного на мгновение замолчали. Вчера они ещё спали в одной постели, а сегодня стали чужими.

Чжоу Цзыцянь злился на него за обман, но в этот момент в его сердце прозвучал тихий голос: если ты уже так долго обманывал меня, почему бы не продолжать?

Он не понимал, зачем Е Тао раскрыл свою личность. Если он не был подростком, то должен был понимать, что обладание именем Чжоу Юньси означало огромное богатство. Даже если он был равнодушен к деньгам, ему всё равно нужно было жить. Как он собирался существовать вне семьи Чжоу? Доход от его двух маленьких магазинов, вероятно, не покрывал даже расходов на лекарства. Неужели он хотел жить за счёт помощи Ло Дуна?

Чжоу Цзыцянь не отрываясь смотрел на Е Тао, и в его глазах постепенно появилось странное выражение. Когда Е Тао уже готов был отвести взгляд, он спокойно, но твёрдо произнёс:

— Я не согласен.

Е Тао не был глупым человеком и не растерялся от этих слов, не спеша с ответом.

— Ты скрывал это почти два года, и хотя не всё было идеально, но всё же это было тщательно продумано. Если бы ты не сказал, никто бы не узнал, кто ты. Но ты сам всё рассказал, значит, ты недоволен текущим положением и готов уйти?

— Я действительно собираюсь уйти, но не оставлю тебя без объяснений перед старшим Чжоу. Перед уходом я могу сыграть с тобой спектакль. — Е Тао всегда думал наперёд, и всё это он уже обдумал.

— Какой спектакль? Сделать вид, что Юньси скоропостижно скончался? Ты думаешь, что это объяснит всё моему отцу? Ты знаешь, как больно терять детей? Он уже пережил это однажды, и ты хочешь, чтобы он пережил это снова? Ты думаешь, он выдержит? — Чжоу Цзыцянь пристально смотрел на Е Тао, его глаза были как глубокий пруд, безмятежные, но полные печали. — А как насчёт меня? Ребёнок, которого я вырастил, просто исчез. Ты думал о моих чувствах?

Е Тао не выдержал и отвёл взгляд, не решившись произнести слова, которые могли бы ранить Чжоу Цзыцяня ещё сильнее.

Чжоу Цзыцянь молчал некоторое время, затем встал, налил воды и, как обычно, стал поить Е Тао.

Эх, и настоящего, и ненастоящего племянника побил — дядюшка решил, видимо, стать властелином неба.

P.S.: Дядюшка выдержит любую критику, ругайте его, а не меня — я всего лишь невинный летописец.

Дополнительное P.S.: Дядюшка Е не умер молодым, и дядюшка не долго будет вдовцом. Не накручивайте себя попусту.

<http://bllate.org/book/17687/1650246>